

Борщоговский А.

04.09.92

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КОСМОПОЛИТОВ

Итак, «Записки баловня судьбы». Зная, о чем написана документальная книга Александра Борщоговского, поначалу воспринимаешь ее название как некое литературное лукавство. Знаем, мол, какие дары судьбы вы по ироническому обыкновению именуете «баловством». Да и как их еще назвать, изживая в себе давний смертельный страх, эти незабвенные царские милости.

собственному разумению и вкусу.

И вот в этот-то момент, 28 января 1949 года, в «Правде» появилась почти полосная, как говорят газетчики, статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Нет более, оказалось, в полугодовалой, не зализавшей раны стране более насущного вопроса, более жгучей проблемы, более острой общественной потребности, нежели необходимость обличить и заклеймить нескольких теоретиков сценического искусства, авторов не самого повседневногазетного жанра — театральной рецензии.

Впрочем, это с точки зрения нормального здравого смысла. Однако с позиций идеологии, давно ставшей в этой стране «вещью в себе», возвысившейся и над практической жизнью, и над науками, и над искусствами, и над самим человеческим естеством, в таком государственном внимании к достаточно узкой сфере мысли не обнаружилось ничего странного. Молоху идеологии время от времени нужны жертвы. Он питается их кровью. Он имеет «резон дэтр», то есть право на существование только в процессе неуспешного цензурного бдения, перманентного поиска ереси, неустанныго выявления отступников. Сегодня ими могут оказаться биологи-генетики, завтра — лингвисты-языковеды. Сама разумная толерантность к разным взглядам, нежелание приравнять поиск истины к классовым боям воспринимаются как позорная всеядность и подозрительное благодушие.

И все же, почему именно театральные критики? Под тут и возвращаешься мыслью к авторскому удовлетворению по случаю того, что судьба не занесла его в стан идеологических надсмотрщиков. Могла, могла, от этой жуткой участи никто не был застрахован. Да и теперь тоже... искренняя лояльность к заповедям советского строя, которую задним числом принято ставить под сомнение, хоть какого литератора, художника, ученого могла искутить позицией идейной судьбы над своими собратьями. Во всяком случае, даже вопреки его воле поставить в подобное положение.

Книга Александра Борщоговского об этом свидетельствует. Она напоминает, с какой добровольной готовностью даже небесталанные братья-писатели, не дожидаясь указаний свыше, сами возлагали на себя функции неподкупных политических втиляй, торопились вынюхать, если уж не идейную, то по крайней мере художественную измену, наперегонки кичились своею большевистской ортодоксальностью, своим, так сказать, коммунистическим роялизмом.

Ныне дружно клянем столпов режима: Жданов, Ильичев, Суслов — гонители талантов, погромщики художественных направлений и школ! Но сами-то «инженеры человеческих душ», творцы романов-эпопей и драм из народной якобы жизни тоже хороши! Ведь с каким рвением блюли свою избранность, свою приближенность к началу, свою монополию на единственно правильный метод, единственно возможного ластивого, помпезного отображения действительности. Как оккупанты никогда не смогут эффективно управлять захваченной страной без помощи коллаборационистов из местного населения, так и сталинские железные идеологи не в состоянии были бы развязать охоту на ведьм без опережающей, забегающей вперед, заглядывающей в начальственные очи помощи подручных из числа самих сочинителей и творцов.

Да что там, даже сам «отец наро-

дов» при всем его пагубном для литературы пристрастии к художественному слову не углед бы в том или ином произведении червоточины зловредного гуманизма, беспринципной человечности, если бы доброхоты из художественной номенклатуры, озбоченные благополучием своего клана, свято верящие в свою идейную непогрешимость, не подсказывали ему имена новых и новых грешников, не выискивали бы среди премьер и книжных новинок объектов для разносос, обличений и выявлений замаскированного вражеского начала. Неважно какого — буржуазного, левацкого, мужиковствующего, спецовски интеллигентского.

Органический порок художественной психологии — ревность к чужому успеху, нетерпимость к иной творческой манере. В обычных условиях он реализуется на уровне личного неприятия, наиболее драматический вариант которого — отношения Моцарта и Сальери. Но только диктатура идеи превращает заурядную зависть в орудие политического остракизма. Поношение театральными критиками послужило запалом для начала грандиозной кампании, вошедшей в анналы под именем борьбы с космополитизмом. Отдельные ее акции типа запрещения джаза, гонения на гитару и переименования французских булок ныне воспринимаются анекдотически. Между тем в приснопамятные годы так воплощались лютая ксенофобия и партийное сектанство, впадшее в тупой шовинизм. Опять же на памяти у людей осталась хамская инициатива по так называемому раскрытию псевдонимов. Неправославная фамилия того или иного литератора не комментировалась, само ее звучание трактовалось уликой, естественным доказательством преступного умысла.

Александр Михайлович Борщоговский, чье литературное имя, как назло, не являлось псевдонимом, не просто восстановил пресловутую кампанию в посылке ее подробностях и скандальных деталях. Не только передал ее острый дух суицидального томления и предчувствия погрома. Он хладнокровно и доказательно вписал ее в общий исторический фон «великой эпохи», обосновав ее связь с более ранним убийством Михоэлса, и с более поздним «делом врачей», и с тщательной подготовкой «окончательного решения еврейского вопроса» по-сталински. Если же выражаться в терминах по возможности политологических, то следует признать со всею определенностью: «Записки баловня судьбы» — это книга о том, как один тоталитарный строй мало-помалу перерождался в другой. Победивший в побежденный. Коммунистический в нацистский.

Дело, однако, в том, что эта книга не научная, она художественная. И потому использованы в ней в качестве материала не ученые факты, а человеческие судьбы, характеры, надежды, упования, ошибки и заблуждения. Вот одно из самых характерных.

Ошельмованные критики, среди которых, кстати сказать, встречались и ортодоксальные ревнители идейной чистоты, не в силах были уразуметь, за что их уничтожают, пробовали защищаться. Пытались оспорить обвинения. Доказывали, что неприятно халтурных пьес Сурова и Софронова не означает не любви к Родине. Скорее напротив, свидетельствует о сыновней преданности. Лепетали что-то разумное и резонное о правде чувств и душевных движений как о первооснове всякого произведения искусства. Искренне подчеркивали свою не то

чтобы лояльность существующему строю — свою абсолютную с ним неразрывность. Наивные люди! Они полагают, что их логические доводы и эмоциональные аргументы способны кого-то переубедить. Они и представить не могли, что ни доводов, ни аргументов, ни логики, ни чувств просто напросто не требуется. Их не то что воспринимать, не будут и слушать. Потому что все решено заранее: кого казнить, кого принести в жертву, о ком не оставить на земле никакого свидетельства его существования. Потому, что даже понятие «вина» лишено всякого смысла там, где человек всего лишь фишка в недоступной его пониманию игре якобы исторических сил и политических амбиций.

Господи, сколько советских интеллигентов, следуя своему предназначению, веря в благую силу разума, пытались что-то такое растолковать, обосновать, аргументировать. И ныне пытаются...

Но вот разворачиваю газету «День», вчитываюсь в разнообразные статьи, посвященные все той же теме величия национальной идеи, написанные нередко взволнованно, стилистически добротно и вроде бы в соответствии с нормами рассудка. До некоего вполне определенного момента. В какие бы выси патриотической гордости ни заносился автор, в какие бы глубины отечественной истории ни зарывался, кончит он непременно одним: проклятием сионистскому, масонскому, космополитическому заговору против России. И какие бы доводы в доказательство абсурдности этого небывалого всемирного Komplota вы ему ни приводили, какие бы ученые беспристрастные труды, поясняющие, на какой политической кухне мастерились фальшивые «Протоколы сионских мудрецов», ему ни демонстрировали, хоть всю Академию наук призовите в свидетели — слушать он вас все равно не станет. Приверженность родимому душегрейному мифу дороже ему всех на свете доводов и резонов.

Знакомая повадка, проверенная богатым опытом большевистской непримиримости. Тоталитарного обыкновения живую жизнь, природу, свободную мысль подгонять под излюбленную идею. То ли классовой избранности, то ли национального превосходства.

Характерное наблюдение: похоже, не осталось ни одного прежнего идеологического жупела, который ныне не утратил бы своей клеймяще-негативной окраски. «Кулак», «эстет», «частник», «буржуазный интеллигент», «богоискатель» — кого теперь этим напугаешь? Определение «белогвардейский» воспринимается почти как комплимент. И только слово «космополит» новыми бюстителями патриотической чистоты употребляется с прежним отвращением. «Гражданин мира», человек, убежденный в приоритете личных прав над правами государства, не желающий питать свою любовь к соплеменникам ненавистью к иным племенам, как и прежде, ненавистен профессиональным патриотам. Повесть Александра Борщоговского обстоятельно и терпеливо разъясняет природу этого феномена.

Борщоговский — писатель, что называется, объективной манеры. «Записки баловня судьбы» — единственная из его книг, написанная от первого лица и вообще о себе. Что не мешало, кстати, привычной авторской объективности. «Баловень судьбы» — сын своего времени, и этого не скрывает. Не стесняется в качестве привычной лестной оценки персонажа употреблять понятие «старый коммунист», не объявляет себя задним числом прозорливым протестантом и тайным диссидентом. Не сводит счеты с большими обидчиками. Он вообще не то чтобы избегает политических дефиниций, просто не слишком им доверяет. Его интересуют люди, которые, независимо от своего политического темперамента, занимаемых постов и даже не в полном согласии со своими талантами, в условиях охоты на ведьм поступали то сверх ожидания благородно, а то неожиданно подло. Между прочим, читать об этом интереснее всего. По той причине, видимо, что общественные обстоятельства меняются, а люди остаются людьми.

Ан. МАКАРОВ.

Однако по мере чтения проникаясь атмосферой того времени, восстанавливая хоть и с документальной достоверностью, но с художественной импульсивностью, начинаешь догадываться, что данное заглавие не ироническая фигура речи. Оно — всерьез. Более того, в нем отразились некоторые жизненные итоги, которые рано или поздно подводит всякий ответственный перед собой и временем человек.

Господи, да, конечно же, баловень, если осознать, что столь типичная для поколения судьба могла обернуться каторгой, лагерем, ссылкой, физическим и гражданским исчезновением без следа. Вот ведь какая чаша миновала.

И не просто миновала, но еще и способствовала перемене участи, трансформации жизненных планов и внутреннего самоощущения, реализации неясных прежде душевных порывов и непознанных возможностей.

И, наконец, наиболее сокровенное оправдание данного названия, самый откровенный из итогов, делающий писателю высокую честь за его искренность перед публикой и перед самим собой. В сущности, книгу можно понимать как благодарность судьбе, которой угодно было некогда бросить автора в толпу беспощадно гонимых. Она ведь могла распорядиться и по-другому, возвысив его до положения гонителя. Александр Борщоговский это трезво сознает. И в этом, повторяю, его безжалостная к себе мудрость и писательское мужество. Которого зачастую не достаёт сочинителям, пережившим не столь уж жестокие времена.

Те, о которых речь идет в книге, на общем нашем историческом фоне тоже как будто нельзя признать самыми гибельными. По сравнению с поздними тридцатыми, например. Зато поздним сороковым принадлежит своего рода рекорд политического неустойчивости и абсурдности. Посудите, страна только-только начала выкарабкиваться из военной разрухи, половина населения ютится в развалинах и бараках, люди донашивают гимнастерки и телогрейки, шеголяют в пальто, перешитых из шинелей, на мальчишеских стриженных головах красуются пилотки и танкистские шлемы, после страшных потерь, разлук и расставаний, после беженства, бездомности, бессонных ночных дежурств народ жаждет простой человечности, домашнего тепла, обыкновенных житейских радостей, хотя бы негласного послабления в сфере идейных регламентаций.

Как в хлебе, досыта дает о себе знать потребность в душевном слове, в улыбке, в обыденной, всем доступной правде, неусложненной докторальным умствованием любомудров из высших партийных сфер. Примите во внимание и то, что молодые книголюбцы из прошедших окопы лейтенантов, подобно своим, победившим Наполеона прадедам, полагали безотчетно, что заслужили кровью хотя бы глоток интеллектуальной и нравственной свободы. Мечтали уж если не жить, как хочется, то хотя бы читать и думать по